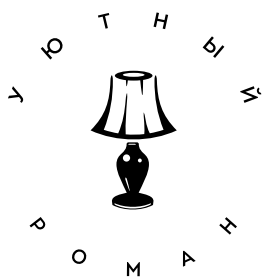

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Не спешит
её
терять

МОСКВА

СОБЕРИТЕ

Уютную
коллекцию

Книжная девочка

Туман над Фудзи

Орешек для трёх золушек

И дам вам сердце новое

Запретный плод

Под парусом надежды

Не спешి её терять

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Не спешит
её
терять

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Редактор серии *П. Корицкая*
Оформление серии *Е. Куликовой*

Климова, Юлия Владимировна.

К49 Не спеши её терять : сборник / Юлия Климова. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-215559-8

Кирилл Комлев искал гувернантку для маленькой шаловливой Ксюши. И вот на пороге его дома появляется «белая моль» — Софья Одинцова...

Кажется, рядом с такой девушкой сердце должно биться ровно: разве может она вызвать сильные чувства? Но уже через несколько дней душа Кирилла будет требовать ответов на важные вопросы: какие тайны скрывает Софья, почему её взгляд всегда обжигает и от чего все мысли только о ней...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Климова Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215559-8

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ
СИНИЙ ЧУЛОК

*За две недели
до основных событий*

Любить голубей совершенно не за что. И в этом Фаина Григорьевна убедилась, когда бело-зеленая капля упала с неба на рукав ее дорогого коричневого жакета и окончательно испортила настроение. Жалкий район, пошлые рекламные вывески, грязные пятиэтажки, фонарные столбы, заляпаные объявлениями, ярко-крикливые магазинчики и люди «не того сорта» — вот с чем приходится сталкиваться иногда... И это ее Москва! Замечательно, бесподобно...

Фаина Григорьевна скривила губы, достала платок, прижала его к носу, вдохнула аромат любимых духов и огляделась. Да, именно в подобном месте должен жить человек, абсолютно лишенный принципов, а ей нужен именно такой. Без сомнения. Это упростит очень многое, а деньги... Деньги поставят жирную печать на договоре. Фаина Григорьевна улыбнулась, чувствуя себя всемогущей и непобедимой. Она вытерла омерзительную голубиную кляксу, без сожаления выбросила платок в мусорное ведро и вынула из лаковой театральной сумочки небольшой лист бумаги, аккуратно сложенный пополам.

Раскрыла его и в который раз прочитала номер телефона, написанный торопливо, будто тот, кто его давал, сомневался в правильности своего решения, и адрес, выведенный уже ее рукой, — твердо, с нажимом.

— Глупости, — надменно произнесла Фаина Григорьевна. — Чем хуже, тем лучше.

Она прошла мимо автобусной остановки и ларька с прессой, свернула в арку и направилась к нужному дому. Настроение постепенно улучшалось — госпожа Удача уже давно должна была стать союзницей, и, кажется, этот день наступил...

Фаина Григорьевна остановилась около подъезда, поправила волосы, окрашенные на висках седьмой, с удовольствием отметила, как играет солнце в драгоценных камнях ее колец, и посмотрела на часы. Без пяти пять. Приятно быть безусловно точной, безукоризненной и непогрешимой, все же мир по-прежнему держится на тех же китах, что и раньше, а не на вседозволенности и пагубных страстях. Страстях, выдуманных писаками и лоботрясами! Страстях, столь удобно используемых некоторыми женщинами в своих целях.

Коробочка домофона, вырванная из двери, уныло висела на проводах, что могло вызвать очередной приступ раздражения, но Фаина Григорьевна лишь дернула плечом и повторила:

— Чем хуже, тем лучше.

Глава 1

Какой будет жизнь гувернантки, зависит только от самой гувернантки. Джейн Эйр, кстати, чертовски повезло!

*Из краткого курса лекций
Школы Успеха, открытой
в 1973 г. в Оксфордшире*

Работа гувернантки весьма тяжела, непредсказуема и опасна — неизвестно, какие радости и горести ожидают молодую воспитанную леди за порогом чужого дома. Вполне может оказаться, что в массивных шкафах, изготовленных еще пару веков назад, хранятся не бальные платья, а самые обыкновенные скелеты (лежат ровной стопочкой и никому не мешают) или в дальней комнате на втором этаже прячутся живехонькие жены Синей Бороды, мечтающие вступить в партию феминисток. А может, по ночам по гулким коридорам ходит, гремя ржавыми цепями, безутешное Кентервильское привидение — чихает, кашляет и ищет, с кем бы ему поболтать. Каждый дом — загадка. И не стоит торопиться делать скоропалительные выводы, навешивать ярлыки и успокаиваться раньше, чем настанет время пако-

вать чемоданы, готовясь в обратный путь. Тайны имеют совершенно дурацкую привычку выскакивать из-за угла и оглушать несчастную жертву звучным «опа!» или «о-ля-ля!», вот почему каждая гувернантка должна быть внимательной, хладнокровной и сдержанной.

Софья Филипповна Одинцова к новому месту работы предпочла отправиться на такси, хотя такой поступок нельзя было назвать взвешенным и правильным — предстояло ехать за город (пусть и ближний, но все же), а это дорогое удовольствие. Господин Комлев предложил машину с водителем, но Соня отказалась, желая собраться с мыслями, настроиться и заодно продемонстрировать независимость. Она надела строгий костюм — серый, приталенный, с длинной юбкой, сотворила на голове идеальный пучок, припудрила лицо и осталась довольна отражением в зеркале. Четкие линии, строгость в каждом сантиметре и взгляде, сухость и уверенность в каждом движении.

Итак, ей предстоит жить в огромном особняке и заботиться об одиннадцатилетней девочке Ксюше. Очень хорошая заработная плата, премиальные, свежий воздух и уединение. Многие гувернантки только мечтают о такой работе и перспективах (рекомендательное письмо от господина Комлева на дороге не валяется), весьма непросто получить подобное место, и, надо полагать, удержаться тоже будет нелегко. Кстати, о рекомендательных письмах... Соня подошла к комоду и взяла три белоснежных конверта: вот отзыв о ее прекрасной работе от жены управляющего банком Ирины Яковлевны

Юдиной («...нашему малышу очень повезло, что его воспитывала столь достойная девушка...»), вот слова уважения и благодарности от профессора-эндокринолога Игоря Львовича Успенского («...моя дочь обожает Софью Филипповну, но, к сожалению, мы переезжаем в Санкт-Петербург...»), вот сдержанная, но деловитая оценка от жены крупного бизнесмена Лебедева («...Одинцова отлично выполняет свою работу, положительно влияет на детей, находит с ними общий язык и всегда ведет себя правильно...»).

С господином Комлевым Соня еще не виделась — в агентстве с ней беседовал его представитель — Василий Васильевич Базилюк (задавал кучу вопросов и изучал бумаги). С одной стороны, странно, что Кирилл Андреевич доверяет выбор одному из подчиненных, но с другой... Что ему помешает выгнать молодую особу двадцати семи лет на улицу, если она ему не понравится? Комлев очень занятой человек, ему не до собеседований, и об этом можно узнать чуть ли не из каждой второй газеты. А его представитель, кстати, произвел впечатление ищейки, взявшей след. Такой тип, наверное, и воробья прижмет к стенке — вырвет у бедняги из клюва черствую крошку хлеба и посадит за хищение в особо крупных размерах лет на десять. Окружение, достойное владельца нескольких крупных компаний, занимающегося еще и продюсерством.

В такси Соня раскрыла глянцевый журнал на одиннадцатой странице и внимательно посмотрела на фотографию Комлева. Ему всего тридцать семь лет, но седины предостаточно (она заметна в чер-

ных волосах). В темных глазах слишком много злости (не нужно утешать себя тем, что фотография неудачна), а вот ямочка на подбородке... Наверное, природа специально наградила Кирилла Андреевича этой черточкой, пусть, мол, хоть иногда кажется милым.

Соня закрыла журнал, положила его на колени и посмотрела в окно. Ее прямой спине позавидовала бы любая балерина, а спокойному выражению лица — любой укротитель тигров.

Через час машина остановилась около неприступного забора. Соня вышла, одернула пиджак и поправила ремешок сумки на плече.

— С вещичками помочь? — спросил таксист, закуривая.

— Спасибо, не надо, — ровно ответила Соня, расплатившись, приблизилась к воротам и нажала кнопку звонка.

Открылась не узкая металлическая калитка, украшенная сверху коваными кольцами и пиками, а створки ворот медленно и бесшумно поползли в разные стороны, будто невидимый чародей сидел и ждал, когда же приедет новая гувернантка и превратит девочку Ксюшу в послушное и умное создание. Потому что самому чародею не хватило на это ни времени, ни сил, ни волшебства.

* * *

Лора нетерпеливо постукивала длинными розовыми ногтями по подлокотнику кресла и поглядывала то на часы, то на Кирилла. Они бы успели на

прием, платье даже гладить не нужно, но кое-кто устал от суеты и громкой музыки. Не будем показывать пальцем кто...

— Ну давай поедем, — капризно протянула она, — немножко покушаем суши, немножко попьем сухого белого вина, потанцуем. Всего-то вторая вылазка на этой неделе.

— У меня много дел.

— Ничего себе, много дел! — фыркнула Лора. — Ты уже десять минут торчишь около окна. Что ты там увидел интересного?

— Новая гувернантка приехала, — сухо ответил Кирилл и скрестил руки на груди. — На такси.

По дорожке к дому шла абсолютно серая девушка, точно при рождении ее выкрасили в скучный цвет и благословили на все четыре стороны. Даже медовый тон волос не спасал положения, потому что их казалось очень мало. Она несла чемодан с таким достоинством, будто в нем покоился прах египетского фараона или глиняный сосуд с эликсиром бессмертия — подбородок вздернут, спина прямая, шаг твердый.

Кирилл хорошо разбирался в людях и, конечно, знал, что к первой встрече с работодателем некоторые готовятся особенно тщательно, идут на многое, лишь бы понравиться. И у этой девушки, несмотря на ее простоту, образ был объемный и законченный — именно такую особу с распростертыми объятиями обычно ждут в богатых домах. Этакая чопорная английская леди, строго соблюдающая распорядок дня, разбирающаяся в литературе и музыке, владеющая английским и французским языками. Всегда ложит-

ся спать сразу после того, как уснет вверенный ее заботам ребенок, она вроде есть, и одновременно ее нет. Раздражает, однако справляется с поставленными задачами.

Но Софья Филипповна Одинцова была настоящей — от и до. Кирилл Андреевич Комлев не сомневался. Он это понял, когда увидел ее фотографию, прикрепленную к резюме. Интересно, сколько продержится новая гувернантка в его доме? И что скажет Ксюша, увидев ее?

— Да? Ты мне не говорил. А с прежней что случилось?

— Я ее уволил.

— За какие прегрешения? — Голос Лоры прозвучал насмешливо.

— Она закрутила роман с охранником и однажды забыла про Ксю.

— Закрутила роман?! Вот ненормальная! Ты же наверняка ей платил бешеные деньги.

— Любовь всегда оказывается сильнее денег, — философски заметил Кирилл, не оборачиваясь, — хотя, вероятно, ты этого и не поймешь.

— Фу, какой ты противный! — обиженно фыркнула Лора и протянула кокетливо: — Я, между прочим, тебя очень сильно люблю.

— Не сомневаюсь.

— А вообще, твоя ненаглядная Ксюша не пропадет ни при каких обстоятельствах. Подумаешь, нянька загуляла! — Испытывая легкий приступ любопытства, Лора быстро поднялась, подошла к Комлеву, прижалась и повисла на его плече. — Это новенькая?

— Да, — ответил он, наблюдая, как девушку встречает домработница Ольга Федоровна, чаще именуемая экономкой. Короткие приветствия, пара вежливых слов, учтивый жест. Софья Одинцова вряд ли здесь когда-нибудь почувствует себя комфортно. Такие не умеют расслабляться, они точно натянутая струна. — Настоящий сухарь, — тихо произнес Кирилл и устало вздохнул, — но наверняка знает «Онегина» наизусть.

— Зачем ты ее взял?

— Для разнообразия. И Ксюше полезна некоторая... организованность.

— Кому нужна эта чертова организованность? — Лора засмеялась, вильнула бедром и направилась к двери. — Давай все же поедем на прием?

— Не могу.

Кирилл отошел от окна, сел за письменный стол и потер колючую щеку ладонью. Сейчас Софье Филипповне покажут ее комнату, минут двадцать она отдохнет, затем у них состоится разговор. А уж потом он наконец-то возьмется за работу.

* * *

Дом Комлева она представляла другим — богато-вычурным. По журнальным фотографиям было ясно, что Кирилл Андреевич равнодушен к дорогим вещам и предпочитает добротную классику. Одни наручные часы чего стоили! Но ни искрящиеся вазы, ни бархатные подушечки с золотыми кистями по углам, ни картины в тяжелых рамах, ни громадные люстры Соне по дороге на второй этаж

не встретились. Стильная современная мебель без излишеств, мягкие однотонные ковры, книги, редкие экзотические цветы, строгие светильники делали обстановку холодной и в то же время позволяли вдохнуть полной грудью и почувствовать себя свободной.

Свободной... Нет, все же нет.

— Вот ваша комната, если что-нибудь понадобится, пожалуйста, обращайтесь, — монотонно произнесла Ольга Федоровна и открыла дверь.

Эта худая женщина лет сорока представилась экономкой и сразу дала понять, что не терпит лишней болтовни и бесконечно уважает Кирилла Андреевича. По-видимому, она очень дорожила местом, считала себя значимой персоной в доме и вполне имела на это право. Порядок обычно держится именно на таких исполнительных, деловитых особах, не терпящих суеты и сплетен, умеющих одним взмахом руки решить многие проблемы. Господину Комлеву повезло...

Соня задержалась на пороге, взглядом поблагодарила экономку и зашла в свои «покои».

Комната не удивила. Оформленная в уже привычных спокойных тонах, она не имела индивидуальности, точно была готова подстроиться под любого хозяина. Заходи, мил человек, обживайся, а там посмотрим — кто кого. Лишь широкие оранжевые полосы в нижней части штор и оригинальные вытянутые бра в тон оживляли общую картину.

— Вам нравится? Вас устроит эта комната? — спросила Ольга Федоровна, приподняв тонкие брови. Она не скрывала, какой ответ ожидает услышать,

и именно поэтому фразы получились резкими и холодными.

— Да, спасибо, — ответила Соня и поставила чемодан на пол.

Он не был тяжелым, но данный факт не оправдывал того, что нести его пришлось самостоятельно. Никто не помог, впрочем, глупо надеяться на чуткость и заботу — господину Комлеву и экономке не до назойливых мелочей. Не те люди. Кирилл Андреевича наверняка интересует лишь рост прибыли, а Ольгу Федоровну — распорядок дня и своевременная доставка свежих овощей на кухню. Увы, равнодушие неискоренимо.

— Кирилл Андреевич желает с вами поговорить. Минут через двадцать вам будет удобно? — Голос Ольги Федоровны прозвучал вновь с интонацией, не терпящей возражений.

— Да, конечно.

— Располагайтесь.

Экономка растворилась в воздухе, оставив после себя стойкий аромат пионов и распахнутую дверь.

Соня закрыла дверь, неторопливо переложив вещи в шкаф, приготовила документы, рекомендательные письма и села на кровать, ожидая приглашения спуститься — скорее всего, кабинет Комлева находится на первом этаже. Она догадывалась, о чем он ее спросит: где работали, почему ушли, каково семейное положение, какие планы на ближайшие сто лет... Об этом всегда спрашивают на собеседованиях, и не потому, что интересуются ответами, а из-за необходимости понять — адекватный человек сидит напротив или нет. Бедные, несчастные ра-

ботодатели, как же им тяжело! Страх получить kota в мешке иногда лишает их сна и покоя. Хотя чего переживать? Одним Кентервильским привидением больше, одним меньше... Соня позволила себе сдержанную улыбку и провела рукой по волосам, проверяя, не выбилась ли прядка. Нет, все в порядке. Впрочем, иначе и быть не могло.

За ней пришла не Ольга Федоровна, а приятная рыженькая девушка лет двадцати, Марина, которая доложила, что живется здесь неплохо («если пореже попадаться на глаза гримзе-экономке»), Лора — невеста Комлева, писаная красавица («но капризная, как царевна Будур!»), генеральную уборку приходится делать чаще, чем требуется («Владимира Ильича Ленина бы сюда с бревном и справедливостью!»), Ксю нормальная («только любого умника перехитрит в два счета»), зарплата всегда вовремя («но на бриллианты почему-то не хватает»).

Соня не спешила поучаствовать в разговоре, да и вставить слово вряд ли бы получилось — Марина болтала без умолку. И замолчала она лишь за метр до кабинета Комлева.

— Держись. Если сейчас тебя не сожрет, то проработаешь здесь долго. Он обычно сразу решает, казнить или миловать.

— Спасибо за поддержку, — произнесла Соня, не испытывая страха. Волнение дрожало в душе — да, но страха не было.

Она постучала в дверь, услышала жесткое «войдите» и смело нажала на матовую серую ручку — раздался щелчок, и сердце забилось ровно, как и минуту назад.

Комлев сидел за столом, откинувшись на спинку кресла. В его позе и взгляде было достаточно холодности и высокомерия, а кому-нибудь могло показаться, что он удав, терпеливо ожидающий, когда же мимо прошмыгнет глупый кролик (реакции, безусловно, хватит, и обед удастся на славу).

— Здравствуйте, — произнес Комлев и указал на стул.

— Добрый день, — ответила Соня и села, сложив руки на коленях. В эту секунду она вспомнила, что документы и рекомендательные письма остались лежать на кровати в комнате. Вероятно, они не пригодятся, но если Кирилл Андреевич потребует, она сходит за ними.

Пару секунд Соня смотрела на ножку этажерки, а затем чуть подняла голову и перевела взгляд на хозяина кабинета. И в этом взгляде не присутствовали ни любопытство, ни почтение, ни заинтересованность. Лишь абсолютное спокойствие, терпение и внимание — вот смесь чувств истинной гувернантки.

«Да-а, — подумал Комлев, — такой рыбы у нас еще не было».

Но он немного лукавил: Софья Филипповна Одинцова оказалась не такой уж высушенной воблой, как на фотографии. То есть ее пресное выражение лица по-прежнему навевало скуку, но некоторые черты все же заслуживали внимания. Например, большие карие глаза, густые ресницы, аккуратный нос. Кирилл решил, что смог бы назвать ее приятной, но эта неожиданная мысль сразу показалась странной, нелепой, и он еле заметно